

УДК 1(091)

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-166-178

ФИЛОСОФИЯ ФРИДРИХА НИЦШЕ: РЕЦЕПЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ Н.А. БЕРДЯЕВА

Шумской Андрей Викторович

Уральский государственный университет физической культуры (Челябинск)

Рассматривается проблема рецепции и интерпретации Н.А. Бердяевым философии Фридриха Ницше. Автор статьи предпринимает попытку реконструкции отношения Н.А. Бердяева к творческому наследию великого немецкого философа. Феномен Ницше был воспринят подавляющим большинством отечественных философов начала XX в. в религиозном контексте. Для Бердяева сама личность Ницше стала одним из импульсов для осмыслиения экзистенциальной диалектики судьбы человека в мировом историческом процессе. В философии Ницше Бердяева прежде всего пленила постановка им эсхатологической темы, с ее устремленностью к концу и прецелу. Николай Бердяев называл Ницше величайшим явлением новой истории, диалектически завершившим гуманистическую антропологию Запада. Русский философ рассматривал Ницше как предтечу новой религиозной антропологии, религиозного пророка Запада, после духовного опыта которого возврат в старый европейский гуманизм уже невозможен. Бердяев был убежден в необходимости преодоления и внутреннего изживания духовного опыта Ницше, открывшего перспективу движения в новую антропологическую эпоху, в которой бытие человека должно быть оправдано творчеством. Бердяев рассматривал творчество как новое религиозное откровение христианства, не раскрытое святоотеческим преданием и историческим христианством. В творческих актах человек преодолевает объективацию как падшее состояние мира. В статье рассматриваются ключевые идеи философии Ницше сквозь призму религиозного экзистенциализма и персонализма Бердяева. Отношение Бердяева к Ницше было двойственным: с одной стороны, он высоко оценивал радикальную постановку немецким философом проблемы творчества личности, с другой — рассматривал антихристианскую концепцию сверхчеловека, ведущую к человекобожеству, как абсолютно неприемлемую для русской религиозной философии и христианства. Новое откровение Ницше о сверхчеловеке и воле к могуществу Бердяевым было оценено как ложное и демоническое, радикально расходящееся с основами христианской антропологии о человеке и религиозной этикой творчества.

Ключевые слова: Фридрих Ницше, Николай Бердяев, христианская антропология, гуманизм, экзистенциализм, персонализм, этика творчества, мораль, религиозная философия.

THE PHILOSOPHY OF FRIEDRICH NIETZSCHE: NIKOLAI BERDYAEV'S RECEPTION AND INTERPRETATION

Andrey V. Shumskoy

Ural State University of Physical Education (Chelyabinsk)

The article deals with the problem of Nikolai Berdyaev's reception and interpretation of the philosophy of Friedrich Nietzsche. We attempt to reconstruct Berdyaev's attitude to the creative heritage of the great German philosopher. The phenomenon of Nietzsche was mainly perceived by the Russian philosophy of the early 20th century in a religious context. For Berdyaev himself, the personality of Nietzsche became one of the starting points for comprehending the existential dialectic of human destiny in the world historical process. In Nietzsche's works, Berdyaev was first of all captivated by the eschatological theme the philosopher addressed, his striving for the end and the limit. Berdyaev called Nietzsche the greatest phenomenon of

modern history, dialectically completing the humanistic anthropology of the West. The Russian philosopher viewed Nietzsche as the forerunner of a new religious anthropology, a religious prophet of the West, making a return to the old European humanism no longer possible. Berdyaev was convinced of the need to overcome and internalize the spiritual experience of Nietzsche. The latter opens up the prospect of transition to a new anthropological era, in which human existence must be justified by creativity. Berdyaev viewed creativity as a new religious revelation of Christianity, not manifested in patristic tradition and historical Christianity. In creative acts, man overcomes objectification as a fallen state of the world. The article examines the key ideas of Nietzsche's philosophy through the prism of religious existentialism and personalism of Berdyaev. Berdyaev's attitude to Nietzsche was ambivalent: on the one hand, he highly appreciated how radically the German philosopher formulated the problem of a person's creativity; on the other hand, he viewed the anti-Christian concept of the superman, leading to human godhood, as absolutely unacceptable for Russian religious philosophy and Christianity. Berdyaev assessed the new revelation of Nietzsche about the superman and the will to power as false and demonic, radically contradicting the foundations of Christian anthropology about man and the religious ethics of creativity.

Keywords: Friedrich Nietzsche, Nikolai Berdyaev, Christian anthropology, humanism, existentialism, personalism, ethics of creativity, morality, religious philosophy.

Введение

К проблеме влияния Ницше на русскую философию начала XX в. уже не раз обращались в своих трудах отечественные ученые и философы, она и сегодня продолжает притягивать к себе внимание многих ницшеведов и исследователей, занимающихся русской философией Серебряного века. Бум увлечения философией Ницше в России приходится на начало 1900-х гг. Это время может быть названо «золотым веком» российской ницшеаны [Синеокая Ю.В., 2019, с. 19].

Советское ницшеведение в отличие от такого первого десятилетия XX в. отличалось идеологической ангажированностью и отсутствием академических исследований. Имя немецкого философа в 1930–1940-е гг. становится нарицательным и упоминается исключительно в негативном контексте. Творческое наследие Ницше в годы правления Сталина трактовалось крайне тенденциозно и поверхностно, Ницше объявлялся предтечей фашизма и национал-социализма, идеологическим противником, теоретиком, идеально обосновавшим и подготовившим приход Муссолини и Гитлера к власти. Лишь во второй половине 1980-х гг. в нашей стране начался процесс реабилитации идеального наследия немецкого философа.

Интерес к творчеству великого философа, властителя дум отечественной интеллигенции Серебряного века, на закате советской истории пробудился с особой силой, как и в начале XX в. В 1990-е гг. Ницше заслуженно возвращается в отечественную философскую традицию. Рубеж XX–XXI вв. может быть назван

«серебряным веком» российской ницшеаны. С начала 1990-х гг. по настоящее время российское ницшеведение прошло большой путь от пафосного возвеличивания немецкого философа до сдержанного и критического отношения к его философскому наследию. В постсоветской России сменилась парадигма восприятия творчества немецкого философа. В нем стали видеть практика нового постклассического мышления, критика культуры, альтернативного типа философа и филолога, мастера слова [Синеокая Ю.В., 2001, с. 27]. Сегодня российское ницшеведение подошло к той черте, когда необходимо взвешенно и по возможности объективно оценить потенциал его концепций и идей применительно к антропологическим и социальным моделям развития будущего, всесторонне раскрыть его место в мировом философском процессе, осмысливать значение и влияние его идей на отечественную культуру и философию XX и XXI вв.

Рецепция и интерпретация творческого наследия Ницше в России имеет давнюю историю. Проникновение творчества Ницше в отечественную культурную традицию шло через внутреннюю полемику, опровержение и неприятие ряда положений его философии [Синеокая Ю.В., Полякова Е.А., 2017, с. 18]. Феномен Фридриха Ницше был воспринят давляющим большинством отечественных философов начала XX в. в религиозном контексте. Это было созвучно умонастроению эпохи. В России первостепенное внимание было удалено ницшеанской идее сверхчеловека, получившей религиозно-метафизическую окраску [Синеокая Ю.В., 1999, с. 59]. Влияние Ницше

на мыслителей Серебряного века было колоссальным. Так, некоторые отечественные исследователи определяют дух эпохи Серебряного века в России как «постнищевское христианство» [Бонецкая Н.К., 2013, с. 133]. Например, исследователь культуры и философии Серебряного века Н.К. Бонецкая выдвигает суждение о том, что концепция эсхатологического христианства Николая Бердяева является версией именно постнищевского христианства, претендующей на преодоление изъянов христианства исторического [Бонецкая Н.К., 2009, с. 87]. В связи с этим представляется важным обратиться к философской интерпретации творческого наследия Ницше Н.А. Бердяевым, выдающимся религиозным философом России, оставившим значительный след не только в отечественной философской традиции, но и мировой. Отношение Н.А. Бердяева к основным идеям и концепциям Ницше, на взгляд автора, является репрезентативным, так как Николай Александрович был одним из ведущих в России и мире представителей христианского персонализма и экзистенциализма. Реконструкция его позиции позволит лучше понять специфику той призмы, сквозь которую русская религиозная философия Серебряного века воспринимала и осмыслила наследие одного из выдающихся представителей постклассической европейской философии.

Молодой Н. Бердяев и философия Ницше

В своей дебютной работе «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» Николай Бердяев выступил приверженцем и защитником марксистского мировоззрения, но с очень существенной поправкой — стремлением сочетать социальную доктрину марксизма с критической философией Канта. Это было не случайно. Уже в своей первой работе Бердяев преподносит себя как оппонента ортодоксального марксизма, особенно его общефилософской платформы — диалектического материализма. Кантианские мотивы облагораживали и возвышали, как ему казалось, социальную доктрину марксизма, вносили в нее индивидуалистическую и нравственную струю. Тем не менее полностью встать на позицию индивидуалистического мировоззрения Николай Александрович также не мог. Индивидуализм в качестве философской доктрины представлялся ему своеобразным партикуляризмом, оторванным

от связи с всеобщим и универсальным; в свою очередь, универсализм рассматривался им как прогрессивное философское мировоззрение, которое вполне могло включать в себя индивидуалистическое умонастроение как частный случай. Молодой Бердяев упрекал индивидуалистов в том, что они не понимают тайны исторического процесса, впадают в величайшую иллюзию, выдвигая принцип верховенства личности и противополагая ее обществу и социальному процессу [Бердяев Н.А., 2008, с. 187]. В зрелые же годы своего творчества русский философ считал универсализм и партикуляризм одинаково ложными направлениями, порожденными рационалистической ограниченностью мышления, подчиненного объективации [Бердяев Н.А., 2007, с. 354].

Среди ярких индивидуалистов XIX столетия Николай Бердяев выделяет Ницше как блестящего выразителя настроения, которое он называет художественно-аристократическим индивидуализмом. Отношение к Ницше в ту пору у молодого Бердяева было двойственным: с одной стороны, Ф. Ницше представлялся ему совершенно наивным мыслителем в области социальной философии, с другой — Бердяев как приверженец социалистического умонастроения всецело поддерживал Ницше в его беспощадной критике буржуазного общества, уничижающего всякую индивидуальность [Бердяев Н.А., 2007, с. 187].

Николай Александрович уже тогда признался в симпатии к Фридриху Ницше как гениальному выразителю индивидуалистического настроения, поэту сильной человеческой личности [Бердяев Н.А., 2007, с. 189]. Тема индивидуальности и личности становится для Бердяева центральной, она звучит рефреном на протяжении всего его творчества. Не случайно свою философию в зрелые годы он определяет как персоналистическую метафизику, философию экзистенциалистского типа, укорененную в христианской антропологии, христианский социалистический персонализм (идея комюнотарности).

После кратковременного увлечения критическим марксизмом в творчестве Бердяева намечается мировоззренческий переход к метафизическому идеализму. В статье «Борьба за идеализм», написанной в 1902 г., он открыто выступил защитником идеалистической философии, при этом сохраняя почтение к социаль-

ным мотивам и идеям марксизма. В молодые годы Бердяев испытал очень сильное влияние Л. Толстого, А. Шопенгауэра, И. Канта, К. Маркса, Фихте, а среди литературоведов и поэтов — Ибсена и Метерлинка. Встреча же с Ницше в ту пору стала для него судьбоносной, читать произведения немецкого философа он стал уже в то время, когда имя Ницше еще не было популярным в культурных кругах российской интеллигенции. Ницше был тогда для него одним из полюсов его природы, другим полюсом он называл Л. Толстого. В ранние годы его творчества был даже период, когда Ницше победил в нем Л. Толстого и К. Маркса, однако это была лишь временная и неокончательная победа [Бердяев Н.А., 2007б, с. 433]. Чем более в Бердяеве нарастал персонализм, тем быстрее он отходил от Ницше и Маркса. Проблема личности, которая стала для Бердяева одной из центральных идей его персоналистической философии, была остро и гениально поставлена в XIX в. такими мыслителями, как Достоевский, Кьеркегор, Ибсен и Ницше. Именно эти мыслители, по оценке Бердяева, еще в прошлом столетии восстали против засилья «общего», против рациональной философии. Отмечая важную роль Ницше в постановке проблемы личности, Бердяев указывал на парадоксальность и противоречивость решения данной проблемы немецким философом, которое свелось к разрушению человеческого начала и его преодолению [Бердяев Н.А., 2007б, с. 470]. Для самого Бердяева феномен Ницше стал одним из отправных пунктов осмыслиения экзистенциальной диалектики судьбы человека. В Ницше его пленили поставленные немецким философом эсхатологические вопросы.

Философия Ницше сквозь призму христианского экзистенциализма и персонализма Бердяева

Русская религиозная философия начала XX в. воспринимала Ницше как явление преимущественно религиозное, профетическое. Многие мыслители Серебряного века приписывали личности немецкого философа черты гениального религиозного пророка, провозвестника новых религиозных ценностей, новой морали. Именно в таком ключе Бердяев на этапе своего обращения к религиозному реализму и мистике интерпретировал Ницше, называя его «благочестивым демонистом» [Бердяев Н.А., 1999,

с. 83]. Демонизм Ницше рассматривался им как совершенно новое явление в европейской культуре, своеобразный религиозный опыт в условиях кризиса и декаданса европейской культуры и вырождения исторического христианства. Ницше для нового поколения мыслителей, философов и богословов становится столь сложной религиозной проблемой, разрешение которой требовало новой творческой мысли и опыта; его экзистенциальный религиозный опыт уже невозможно было осмыслять и интерпретировать в рамках старой теологической мысли и святоотеческого предания. В явлении Ницше Бердяев открывает определенный тип благочестивого богоборца, в личности которого выражалась неуемная тоска по вечности, утерянной человечеством. Религиозное сознание Ницше уже в ту пору Бердяев оценивал как ложное и затемненное, не просветленное Божественной благодатью. В творчестве немецкого философа он усматривал раздвоенность и противоречие: с одной стороны, благородство и аристократизм, с другой стороны, демонизм, ведущий к бунту и морали рабов Божьих; «...дети Божьи любят Бога, а не восстают против него», — отмечал Николай Бердяев [Бердяев Н.А., 1999, с. 85]. Вместе с тем уже в зрелые годы Николай Александрович пришел к выводу, что Ницше служил делу христианского возрождения, он не совершал хулы на Духа; Бог любит таких богооборов и христоборцев [Бердяев Н.А., 1929, с. 100–101].

Возможность наступления новой религиозной эпохи Бердяев еще в начале своего творческого пути связывал с необходимостью глубокого осмысливания и претворения новой истории Запада: эпохи Возрождения, в которой рождается новый человек, восстания разума, Декларации прав человека и гражданина, современного социализма и анархизма, бунта Ивана Карамазова и Ницше [Бердяев Н.А., 2002, с. 361]. Николай Александрович полагал, что начало XX в. было ознаменовано религиозным ренессансом в России, обусловленным расширением исторического, мистического и религиозного опыта. Русский философ писал: «Мы можем вместить уже большую полноту откровения, чем предшествующие религиозные эпохи» [Бердяев Н.А., 2002, с. 361].

Говоря о творческом пути Ницше, Бердяев указывал на идентичный религиозный опыт одного из героев произведений Ф.М. Достоев-

ского — Ставрогина, который также шел через богоотступничество [Бердяев Н.А., 2004, с. 13]. Общность их духовного опыта заключалась в их религиозной слепоте, ограниченности религиозного опыта, непонимании откровения творчества как божественного призыва человека, которое составляет сокровенную сущность личности, ее подобие Богу. Бердяев был убежден, что в самом христианстве еще только предстоит раскрыть всю полноту христианского откровения. В работе «Смысл творчества» он придает огромное значение идеи оправдания человеческого бытия творчеством; творчество рассматривается им как путь дальнейшего религиозного движения человека к новому мировому эону, богочеловечеству, эпохе Духа Святого, преодолению власти царства объективации и необходимости, восьмому дню творения. Именно своими творческими актами человек приближает к себе наступление нового космического эона, в котором будет преодолен и преображен не только падший мир, но и восстановлена и преображена целостность и природа человека. Святоотеческая аскетическая практика, изобличавшая грех и боровшаяся против него, на протяжении многих веков сильно ограничивала творческое дерзновение человека, препятствовала раскрытию откровения творчества.

Русский философ исходил из того, что богооборчество Ницше проистекало из религиозной муки по творчеству. Ницше стоял перед ложной дилеммой: вера в Бога и старая аскетическая религиозность, ведущая борьбу с грехом, или индивидуальное героическое творческое восхождение к горним вершинам человеческого духа. Именно в явлении Ницше эта проблема достигает своей последней остроты и трагизма. Ницше знал лишь этику закона и искупления, которыми ограничивал сущность христианства, не понимал, что за этой этикой закона и искупления стоит этика творчества, которая должна быть раскрыта самим человеком. Будучи человеком, страстно жаждавшим творческого подъема, он всеми силами возненавидел христианский опыт жизни и дошел до ненависти к идеи Бога как помехи, стоящей на пути к творчеству [Бердяев Н.А., 2004, с. 13]. В этом, по мнению Бердяева, состояла подлинная трагедия Ницше.

Фигура Ницше для Бердяева была переходной и рубежной. Его философия была насквозь эсхатологична, устремлена к концу и пределу. Ницше стоит на мировом перевале вхождения

человечества к религиозной эпохе творчества [Бердяев Н.А., 2004, с. 97]. Классические европейские достижения в области философии, морали и искусства полностью себя изжили и не могли удовлетворить духовные запросы нового поколения мыслителей, к коим относился Ницше. Старая европейская культура и мораль рассматривались Ницше как препоны на пути к новой жизни и новой морали, христианство как ценностный базис классической европейской культуры себя изжило и пришло к упадку. Разделяя тревожные мысли и опасения Ницше по поводу декаданса европейской культуры и цивилизации, Бердяев вместе с тем рассматривал антихристианскую духовную проекцию Ницше лишь как переходное состояние новой рождающейся души человека, которая проходит через бездны, неведомые старой святости. Николай Александрович был убежден в необходимости преодоления и внутреннего изживания духовного опыта Ницше. Путь к откровению творчества человека возможен только, если Ницше будет пережит и изжит [Бердяев Н.А., 2004, с. 283].

Фридриха Ницше Николай Бердяев называет величайшим явлением новой истории. Через него диалектически к своему логическому концу подошла гуманистическая антропология Запада. Ницше становится искупительной жертвой новоевропейского безбожного гуманизма. Бердяев полагает, что после духовного опыта Ницше с его устремленностью к сверхчеловеческому, к тому, что превышает человеческое, возврат к прежней гуманистической антропологии уже невозможен [Бердяев Н.А., 2004, с. 84]. Гуманистический кризис, охвативший западную культуру, не мог не привести к идее сверхчеловека и сверхчеловеческого. Путь, по которому Ницше наметил движение к сверхчеловеку, Бердяев называл безблагодатным. Так он отзыается о самой, пожалуй, очаровавшей отечественную интеллигенцию начала века книге немецкого философа — «Так говорил Заратустра». Для Бердяева это был величайший памятник духовной культуры Запада, написанный человеком, который попытался взойти на духовную высоту исключительно с помощью собственных сил, без божьей благодати. Бердяев писал, что никогда человек, предоставленный самому себе, не поднимался выше, чем ницшеанский Заратустра [Бердяев Н.А., 2004, с. 84]. Антихристианский настрой немецкого филосо-

фа, эсхатологический радикализм его мышления не могли не привести к идеи сверхчеловека; исход диалектического развития безбожного гуманизма вполне предугадывается развитием европейской культуры и вырождением исторического христианства на Западе. Таким образом, гуманизм в Ницше побеждается не сверху, а снизу, не благодатно, а собственными силами человека.

Бердяев рассматривал Ницше как предтечу новой религиозной антропологии, которая должна была диалектически наступить после безбожного гуманизма. Ницше выступает как важнейшее явление движения человечества к новой христианской антропологии, этике творчества нового бытия. Дело Ницше было великим подвигом в европейской культуре, так как именно он, остро переживая декаданс эпохи, взял на себя ответственность радикально переоценить европейскую мораль и преодолеть царство мещанского буржуазного серединного гуманизма, сдерживавшего движение человечества к более высокому духовному состоянию. Бердяев называет Ницше религиозным пророком Запада, но инстинктивно искавшим выход из глубокого антропологического кризиса, охватившего европейское человечество. Ницшеанский Заратустра проповедует любовь к творчеству, подъем в горы, изобличает моральное лицемерие последних людей, стремящихся исключительно к счастью; это не могло не подкупать Бердяева и определяло его высокую оценку Ницше как религиозного провозвестника и пророка, вещавшего о новом будущем человечества. Согласно Бердяеву, нельзя не разделять муку Ницше, так как она насквозь религиозна и благородна [Бердяев Н.А., 2004, с. 84]; русский философ призывал разделить судьбу Ницше, но не в смысле повторения его духовного и трагического опыта. Из Ницше нужно исходить, его нужно пережить и двигаться не к сверхчеловеку, а в том направлении, которое было в духовном опыте Ф.М. Достоевского. Ницше вместе с Достоевским зачинает новое антропологическое открытие в мире, исходом которого может быть движение как к христологии человека, так и к антихристологии, как это произошло в творчестве немецкого философа.

Бердяев видел прямую параллель между катастрофизмом Ницше и духовным опытом Ф.М. Достоевского. Николай Александрович был убежден, что именно им и будет принад-

лежать будущее. И Ницше, и Достоевский для него явились глашатаями нового откровения о человеке, великими антропологами, оба с разных сторон подходили к краям, концам и пределам человеческого бытия, оба стремились заглянуть в бездну человеческой экзистенции [Бердяев Н.А., 2004, с. 354].

В антропогизме Достоевского проблема человека также достигает своей исключительной остроты. В духовном опыте великого русского писателя Бердяев видит открытие новой бездны в человеке; именно по этой причине возврат к старой христианской антропологии и безбожному гуманизму после Достоевского уже невозможен. И Ницше, и Достоевский выявляют пределы и концы человеческой экзистенции, переходят за границы новоевропейского гуманизма и открывают новую эру в развитии антропологического сознания человечества [Бердяев Н.А., 2004, с. 84]. В опыте Ницше для Бердяева ценным была его мука искания творческого экстаза, раскрытия творческой природы человека, преодоления последнего человека как стыда и позора. При этом идеи Ницше ведут к человекобогу, антихристологии и должны быть отвергнуты как ложные. Творчество Ницше и Достоевского привело к крайнему обострению антропологического сознания; христианскому миру приоткрылась проблема человеческого конца — проблема антихриста. Николай Бердяев исходил из того, что христианство должно в себе найти силы осмыслить и осознать после Ницше и Достоевского надвигающуюся на мир катастрофу прихода антихриста и раскрыть истинную христологическую антропологию, которой не было в святоотеческом христианстве [Бердяев Н.А., 2004, с. 85]. Беспомощность христианства перед современной трагедией человека Бердяев связывал именно с нераскрытыостью христианской антропологии. Новая христологическая антропология должна открыть тайну о творческом призвании человека и тем дать высший религиозный смысл творческим порывам человека [Бердяев Н.А., 2004, с. 86]. Парадокс заключается в том, что слабость христологического самосознания человека ведет к утверждению антихристологического самосознания. Реставрация святоотеческого христианства, в котором не была раскрыта подлинная антропология, не может стать ответом на муку Ницше и экзистенциальные вопросы Достоевского. Антропологический религиозный пере-

ворот в мире может быть только поворотом к человеческой свободе, к тайне творчества. Слепота Ницше в отличие от Достоевского была в том, что он не понимал отношения тайны творчества к тайне искупления. Если для Ницше человек был средством явления сверхчеловека, то Достоевский раньше Ницше в своей гениальной диалектике о человеке раскрыл роковой и неотвратимый конец гуманизма — гибель человека на пути человекобожества. Достоевский знал соблазн человекобожества, но в отличие от Ницше он знал свет Христов, в котором только и могла быть изобличена тьма человекобожества [Бердяев Н.А., 2004, с. 418]. Бердяев называл его духовно-зрячим. Ницше же сам был во власти идей человекобожества; идея сверхчеловека истребила у него человека. У Достоевского человек сохраняется только в Богочеловеке-Христе. Для него убийство Бога означало убийство человека. В центре антропологического сознания Достоевского заложена идея свободы. Без свободы нет человека. И всю свою диалектику о человеке и его судьбе Достоевский ведет как диалектику о судьбе свободы. У Ницше происходит преодоление и Бога, и человека, которых должен сменить неведомый сверхчеловек [Бердяев Н.А., 2004, с. 418–419]. Таким образом, Николай Бердяев отмечал существенное различие антропологического сознания двух великих мыслителей.

Интерпретация Н. Бердяевым этики Ницше

Бердяев видел в Ницше тончайшего моралиста всех времен, который высказал очень много верного и ценного о природе морали и христианской в особенности. Критика Ницше христианской морали как морали слабых, порабощающей человека, и воспевание аристократически-благородной морали сильных противоречило мировоззрению Николая Александровича. По мысли Бердяева, все сказанное Ницше о христианстве требует радикальной переоценки и пересмотра. Правоту Ницше он видит в мотивации критики христианской морали, которая кажется ему глубокой и ценной, заслуживающей самого пристального внимания, но сама критика для русского философа была в принципе неприемлемой [Бердяев Н.А., 2004, с. 228]. В «Антихристе» Ницше Бердяев находит много поверхностного и рассудочного. Он соглашается с главным мотивом критики Ницше исторического христианства — мотивом си-

лы. Историческому христианству за целые столетия удалось привить европейскому человечеству мораль, больше ценящую слабых, чем сильных, абсолютизирующую сострадание как высшую добродетель человека. Бердяев же в отличие от Ницше понимал христианство не как религию сострадания, а как религию стяжания духовной силы и божественной жизни. Вслед за немецким философом он готов был признать определение добра как всего того, что повышает чувство силы и волю к силе в человеке [Бердяев Н.А., 2004, с. 328]. Главная проблема Ницше была в том, что он пребывал в религиозной слепоте, был лишен дара видения последних тайн, принимал историческое христианство за подлинное христианство. Бердяев, напротив, исходил из того, что Христос возвещает человеку не рабскую мораль, а путь, по которому могут идти только сильные духом, те, кто осознают свое первородство и высокое предназначение.

В феномене Ницше Николая Александровича в первую очередь привлекала его беспощадная критика срединной буржуазной морали, задерживающей наступление конца, закрывающей пределы бытия. Срединная мораль была ему столь же ненавистна, как и Фридриху Ницше, по его мнению, она должна раньше или позже прийти к своему концу и быть преодолена творческим напряжением человеческого духа. Огромное значение Ницше он видел в том, что его творческий дух возжелал стать по ту сторону безопасной середины канонической морали. Ницше был великим изобличителем серединно-общего духа гуманизма, и именно поэтому он становится жертвой и предтечей новой моральной эпохи, этики творчества [Бердяев Н.А., 2004, с. 230]. Немецкий философ подвел окончательную черту в судьбе гуманистического индивидуализма. Он глубоко вскрыл противоречия гуманизма [Бердяев Н.А., 2002, с. 153]. Новая религиозная жизнь в свободе, духе и творчестве невозможна на путях бунта против христианства и его преодоления, как того хотел Ницше, она может начаться только как откровение в человеческом опыте божественности творчества, как ответ на зов Бога, обращенного к человеческому творчеству. Восстание же против Бога для Бердяева есть путь безблагодатного восхождения, в конечном итоге, заканчивающееся трагедией и отпадением человека от Христа. Бердяев писал, что нельзя

не допускать до Ницше, — нужно пережить и преодолеть его изнутри [Бердяев Н.А., 2002, с. 283].

Заслуга Ницше, как полагал русский философ, была в радикальной постановке проблемы морали: является ли так называемое «доброе» подлинным добром, не стоит ли за ним зло. Для Ницше воля к истине была связана с преодолением морали, выходом «по ту сторону добра и зла». Ницше так и не смог окончательно разрешить проблему добра, ему не удалось выйти из порочного круга морали. По ту сторону добра он полагал посюстороннее зло, утверждал новую высшую мораль. Ницше был бессилен прорваться в рай, так как старые этические категории он стремился преодолеть путем их натурализации [Бердяев Н.А., 2003, с. 74]. Однако правота Ницше состояла в проблематизации добра; Николай Александрович соглашался с Ницше в том, что любые оценки добра и зла всегда символичны, заключают в себе условность и произвольность. Трагизм нравственной жизни, по мнению Николая Бердяева, заключается в том, что мы не можем прорваться по ту сторону добра и зла ввиду того, что нас всегда будет подстерегать посюсторонне зло, и также не можем остаться по сию сторону добра, так как оно легко и незаметно для нас превращается во зло. Для Бердяева глубина жизни, или первоизначь, находится вне категорий добра и зла, которые описывают лишь мир в состоянии его падшести и объективации. Все, что «по сию сторону добра и зла», — символично, реалистично и бытийственно лишь то, что «по ту сторону добра и зла» [Бердяев Н.А., 2003, с. 49]. Таким образом, Ницше понял всю остроту вопроса, но совершенно извращенно понял христианское отношение к добру. Согласно Бердяеву, в христианстве добро становится проблематическим, о Боге невозможно судить с точки зрения добра, возникшего после грехопадения. Однажды неверно суждение о том, что Бог связан добром, зависит от него, и суждение о том, что добро есть то, чего хочет Бог. Ницше не замечает того, что Бог находится «по ту сторону добра и зла» и судить о Нем с точки зрения посюстороннего добра есть ложная мысль. Бога Бердяев определяет как сверх-добрь, к нему категория добра в принципе не применима, так как Он сам есть Добрь, источник всех ценностей. Если и возможна теодицея, то как защита Бога от человеческих понятий о Нем [Бердя-

ев Н.А., 2003, с. 81]. Ницше потерпел неудачу и крушение именно потому, что свою переоценку ценностей обосновывал с опорой на посюсторонний нравственный опыт человека, живущего в эон грехопадения, в условиях падшего мира и греха. Его профетизм Бердяев именует непророческим [Бердяев Н.А., 2003, с. 417]. Этика добра, если и может быть истинной и выводящей по ту сторону морали, то только как этика сверхдобра. Ее сущность заключается в том, чтобы не отталкивать зло и злых в ад, а просветлить и преобразить зло, т.е. победить его, окончательно вырвать с корнем из бытия. В этом смысле этика сверхдобра онтологична и не может ограничиваться только различием и моральной оценкой; она не может быть этикой личного спасения души, этикой трансцендентного эгоизма, а только этикой всеобщего спасения, воссоединения человека с человеком и с миром через воссоединение с Богом. В этом состоит подлинное спасение; в образ царства Божьего неверно привносить посюстороннюю этику, ставшую результатом падения мира и первородного греха. По мысли Бердяева, только этика творчества открывает для человека путь в подлинную райскую жизнь, где отсутствует здешнее различие между добром и злом, где зло и ад искореняются онтологически. Этика творчества обращает человека к новому космическому эону, который находится между посюсторонним и потусторонним мирами, между временем и вечностью, она по своей сути хилиастична [Бердяев Н.А., 2003, с. 419].

Ницше не знал и не понимал настоящего христианства, а судил о нем с точки зрения его текущего выродившегося состояния. В этом Бердяев видел ошибочность философии Ницше. Ницше относил христианство к морали рабов, основанной на *ressentiment* слабых к сильным, плебеев аристократам [Бердяев Н.А., 2003, с. 175]. Немецкий философ считал, что христианство подменило категории хороших и плохих категориями добрых и злых. Для Бердяева истина заключалась прямо в противоположном. Христианскую мораль он интерпретирует как мораль сильных духом, она по своему существу аристократична. Ницше судил о христианской морали очень искаженно, так как понятия силы и слабости он трактовал очень поверхностно. Соблазняясь внешним эстетическим образом и понятием силы, он не понял, что именно христианство впервые в истории внесло представ-

ление о силе как о духовной свободе человека от власти мира, грехов и страстей, порабощающих человека. Христианскую мораль он воспринял в духе категорического императива Канта. Христианская добродетель не может осуществляться как норма и долженствование, это есть фарисейство в христианстве. Норма и закон добра сами по себе бессильны и безблагодатны, тогда как подлинная нравственная сила черпается из единственного источника — Бога. Христианство учит быть сильным перед лицом как жизни, так и смерти [Бердяев Н.А., 2003, с. 176]. Бердяев разделяет идею Ницше о преодолении морали, только с большой оговоркой: преодолении законнической морали, препятствующей раскрытию этики творчества. Ницше в христианстве знал лишь закон добра и поэтому восставал против него. Немецкий философ совершенно превратно трактовал дух и духовную жизнь. Для него дух отождествлялся с подавленным инстинктом, он становится барьера на пути к подлинной творческой жизни. Ницше бессознательно для самого себя стал жертвой выродившегося законнического христианства, в котором дух угас; он полностью стал определяться отрицательными реакциями [Бердяев Н.А., 2003, с. 222–223]. Парадокс состоял в том, что угашение духа он принял за сам дух и поэтому восстал против Бога. В этом Бердяев видел источник его атеизма. Творчество и Бог для него становятся несовместимы. Он фактически был пленен ложной идеей Бога. Для Николая Александровича только дух и является единственным источником творчества, им всецело определяется. Прорыв «по ту сторону добра и зла» может быть осуществлен только на пути евангельской морали — любви к врагам. Путь преодоления морали, выбранный Ницше, бессилен в достижении своей цели — он созидает новую мораль, не выходящую за рамки этики закона и натуральных категорий.

Противоречия философии Ницше

Согласно Бердяеву, философия Ницше была пронизана значительным противоречием. С одной стороны, он развивал идею вечного возрождения, которая не является новой в мировой философии, а скорее воспроизводит античное отношение ко времени как циклическому движению, всецело отдает человека во власть космического круговорота. Идея вечного возрождения для самого Бердяева была малооценной. С

другой стороны, немецкий философ профетически учит о сверхчеловеке как преодолении человеческого, задает всемирной истории эсхатологический конец. Идея же о сверхчеловеке Бердяев придавал огромное значение; вместе с тем рассматривал ее в контексте антипэрсонализма, разрывающего всякую связь с евангельской и гуманистической моралью [Бердяев Н.А., 1995, с. 180]. Для Бердяева как убежденного персоналиста концепция сверхчеловека была радикально неприемлема. Антипэрсонализм проявлялся не только у Ницше, но и у многих философов XIX столетия — М. Штирнера, К. Маркса и др. Однако лишь в творчестве Ницше антипэрсонализм достигает особой остроты и предела.

Основную тему жизни и творчества Ницше русский философ определял следующим образом: как пережить божественное, когда Бога нет, как пережить экстаз, когда мир и человек так низки, как подняться на высокую гору, когда мир так плосок? [Бердяев Н.А., 2005, с. 370]. Проблема, над которой Ницше мучился всю жизнь, была для Бердяева абсолютно религиозной и метафизической. Более всего поражало Николая Александровича в Ницше несответствие его философии глубинной и радикальной проблематике, которую он поставил перед человечеством. Для Бердяева философия Ницше имела биологический привкус, была более *Lebensphilosophie*, чем *Existenzphilosophie*, была пронизана дарвинизмом и эволюционизмом [Бердяев Н.А., 2005, с. 370]. Ницше не удалось создать целостного непротиворечивого и стройного философского мировоззрения: эсхатологическая идея сверхчеловека сводилась к биологическому подбору и витализму. Для Бердяева это было значительным изъяном в философии Ницше.

Все философское творчество Ницше, согласно Бердяеву, центрировалось вокруг трех базовых проблем: взаимоотношения человека и сверхчеловека, творчества человека, выражавшегося в создании новых ценностей, и героического сопротивления страданию. Устремленность Ницше к сверхчеловеку Бердяев объяснял поиском божественного в эпоху безбожия и нигилизма. В творчестве немецкого философа диалектика человеческого и божественного достигает своего конца и предела; в сверхчеловеке исчезает и божественное и человеческое. Европейский гуманизм изживает в судьбе Ницше

свою собственную жизнь и приходит к концу. В Ницше триумфально утверждается трагическое чувство жизни, в нем гипертрофируется амор fati — любовь к року и судьбе. Он воспевает аристократический индивидуализм, противопоставляя его демократии, социализму и христианству, которое, как верно подмечает Николай Бердяев, он знал только в упадочной форме. В нем формируется особого рода атеизм, который с большой горечью и страданием переживает богооставленность человека, ищет новой божественной высоты. Однако в духовном опыте Ницше Бердяев не находит тайны богочеловечности, встречи человека с Богом. В отношении Ницше к человеку Бердяев фиксирует коренное противоречие: с одной стороны, человек рассматривается как стыд и позор, лишь средство к сверхчеловеку, с другой — надеяется способностью к творчеству ценностей и нового мира, героическому перенесению страданий. Постановка проблемы творчества, по мнению русского философа, была самой большой заслугой Ницше [Бердяев Н.А., 2005, с. 372].

В работе «Смысл творчества» Николай Александрович придает творчеству человека метафизический, религиозный и сотериологический характер, творчеством должно быть оправдано бытие человека. Жажда Ницше творчества как экстатического состояния духа была очень близка миропониманию Бердяева. Однако в отличие от Ницше Бердяев исходил из необходимости новой антропологии; в старой же антропологии творчество человека еще не было понято и раскрыто как религиозное откровение, миссия, путь и судьба человека. Ницше, который был, по словам Бердяева, плоть от плоти старого гуманизма, все еще находился во власти старой антропологии, неблагоприятной для утверждения идеи творчества человеком, новых ценностей, новой жизни; в этом также заключалось противоречие его философии. Таким образом, в творчестве Ницше соединился духовно-революционный и духовно-реакционный элемент, его философия сочетала в себе мессианизм, обращенность к будущему и старую антропологию, унаследованную от исторического христианства, отрицавшего ценность и огромное значение творчества как призыва человека.

В философии Ницше, согласно Бердяеву, очень симптоматично и рельефно проявился кризис идеи Истины. Ницше удалось очень

тонко его выразить, однако его отношение к идеи Истины характеризуется глубоким противоречием. Философию Ницше Николай Александрович именует философией ценностей, философией качества, а не количества. Истина в понимании Ницше не обнаруживается в самой реальности уже готовой, а созидается в творческом процессе. Человек в своем творческом созидании Истины поднимается онтологически выше. Трактовка Истины как добываемой и созидаемой в жизненном творческом процессе Бердяеву казалась очень верной. Идея объективной Истины, которая пассивно воспринимается человеком как данность, в терминологии русского философа есть иллюзия объективации, результат ложной направленности сознания человека. Ницше совершенно отказался от так называемой «объективной» Истины, общеобязательной именно в силу своей объективности [Бердяев Н.А., 2005, с. 22]. В данном вопросе он шел верным путем. Понимая Истину как ценность, творимую волей к могуществу, Ницше впадает в pragmatism и в сущности превращает Истину в орудие воли к могуществу, рассматривает ее как полезную для процесса жизни. Ницше, таким образом, явился выразителем натуралистического подхода к Истине, трактовал ее с точки зрения биологического критерия. Для Бердяева же Истина в первую очередь есть божественная первожизнь, Дух Божий, просветление мира, смысл жизни. Всякие критерии Истины относительны и условны, взяты из объективированного мира и не могут быть рассматриваемы в качестве абсолютного мерила. Внешние критерии, лежащие вне самой Истины как Духа, вводят нас в порочный круг, из которого не может быть выхода [Бердяев Н.А., 1996, с. 37]. Познание Истины не может быть исключительно актом отчужденного интеллекта или разума, что приводит к ее умалению и исказению, объективации, но есть приобщение к ней, жизнь в ней, дело самой жизни, смысл жизни. Истина может достигаться только совокупностью всех духовных сил человека. Истина может быть только субъективна и индивидуальна, но не в смысле психологического субъективизма, а в том смысле, что она экзистенциальна, лежит по ту сторону субъективного и объективного, является проявлением и обнаружением в субъекте самой первожизни [Бердяев Н.А., 1996, с. 22].

Коренное противоречие Ницше состояло в том, что, являясь аристократическим философом, он поставил волю к могуществу как проявление плебейской силы в качестве верховного критерия истины. По мнению русского философа, в этом Ницше глубоко ошибался, так как воля к могуществу есть понятие, взятое из мира и не применимо к Истине как надмирной реальности. Сама идея воли к могуществу для Бердяева была порождением нигилизма и отчаяния европейского человечества, роковое последствие убийства Бога в европейской культуре. Ницше, остро переживая декаданс духовной культуры Европы, кризис христианского самосознания, приходит к философии дionисической воли к могуществу как единственному спасительному средству в ситуации упадка западноевропейского христианства и вырождения гуманистического мировоззрения. С помощью воли к могуществу и сверхчеловека он стремился подняться на божественную высоту, преодолеть человека как стыд и позор [Бердяев Н.А., 1996, с. 190]. Это был один из пределов человеческой мысли в европейской философии, намечавший творчество новых ценностей. Но идеей Ницше воспользовались во зло, исказили до неузнаваемости и превратили в империалистическую волю к могуществу в гитлеровской Германии. Вокруг Гитлера собирались не аристократы духа, которых воспевал Ницше, а худшие из людей, люди *ressentiment*, дышащие злобой и местью. Такова трагическая ирония мировой истории.

Важной темой, поставленной Ницше, была проблема страдания. Героическое сопротивление страданию у Ницше было связано с трагическим чувством жизни. Ницше, как замечал Бердяев, стремился перенести страдание без всякого религиозного утешения. В этом вопросе Ницше был непримиримым противником христианства с его отношением к страданию как к тому, что имеет свой метафизический, экзистенциальный и религиозный смысл. Атеизм Ницше, его восстание против исторического христианства трактовались Бердяевым в особом ключе; Ницше было ненавистно христианство в его упадочности и утрате силы. В то же время Ницше был «ранен» Христом и христианской темой [Бердяев Н.А., 2005, с. 373–374]. Он боролся с Христом как человек, для которого Христос был дорог в самой глубине его существа. Ницше невозможно представить вне хри-

стианской истории, его судьба отражала судьбу европейского человека христианской истории. Сущность явления Ницше была связана с таинственной диалектикой человеческого и божественного, развертывавшейся в европейской метафизике, философии и культуре. Ницше становится жертвой диалектики германской метафизики, в нем завершается внутренняя диалектика европейского гуманизма, в котором вместе с исчезновением божественного исчезает и человеческое. Любовь к «дальнему» Ницше Бердяев называет бесчеловечной и безбожной, она не может быть христианской в подлинном смысле этого слова, она обращается к безликому человечеству. В христианстве же, основанном на принципе богочеловечности Христа, соединении в Нем двух природ, любовь может быть только к ближнему и конкретному. Любовь к Богу как Истине всегда означает любовь к человеку и наоборот [Бердяев Н.А., 2003, с. 280].

Заключение

Явление Ницше было воспринято в русской религиозной философии главным образом сквозь призму религиозного профетизма. Ницше был понят исключительно как религиозное знаковое явление, закономерно возникшее как следствие глубокого кризиса западной гуманистической культуры и новоевропейской рационалистической философии, приведшего Европу к глубокому антропологическому кризису. Философия Ницше открывала новые возможности творческого бытия человека, предлагала новую антропологическую и ценностную парадигму бытия вне религиозной метафизики и христианского откровения. Антихристианская направленность философии Ницше, его эсхатологическая устремленность была воспринята культурной и творческой элитой России начала XX в. неоднозначно. Рецепция Николаем Бердяевым творческого наследия Ницше показывает, что эсхатологический радикализм немецкого философа вполне вписывался в контекст эпохи начала XX столетия в России, лучшие представители которой остро и болезненно переживали культурно-исторические сдвиги в мире и внутри страны, страстно искали пути вхождения в новую эпоху религиозного творчества. Отношение Бердяева к Ницше было двойственным: с одной стороны, Ницше радикально обостряет проблему творчества личности, столь значимую для русского

религиозного экзистенциализма, с другой стороны, призывает к преодолению христианской парадигмы и выходу из нее, что было для русской религиозной философии неприемлемым. Новое откровение Ницше о сверхчеловеке и воле к могуществу было оценено Бердяевым как ложное и демоническое, радикально расходящееся с основами христианской антропологии о человеке. Вместе с тем жизненный и трагический опыт Ницше для Бердяева был не менее значим, чем религиозный и экзистенциальный опыт Ф.М. Достоевского. Оба мыслителя открывают новую антропологическую эпоху, но предлагают разные траектории движения: один устремлен к сверхчеловеку без Бога, другой — к Богочеловечеству и Христу.

Список литературы

Бердяев Н.А. Диалектика божественного и человеческого. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2005. 623 с.

Бердяев Н.А. Древо жизни и древо познания // Путь. 1929. № 18. С. 88–106.

Бердяев Н.А. Дух и реальность: Основы богочеловеческой духовности. Я и мир объектов: Опыт философии одиночества и общения. М.: АСТ, 2007а. 382 с.

Бердяев Н.А. Истина и откровение. Пролегомены к критике Откровения. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996. 384 с.

Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. М.: Канон+, 1999. 464 с.

Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. 702 с.

Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. М.: Астрель, 2007б. 1184 с.

Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон+, 2002а. 448 с.

Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человеком. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2004. 678 с.

Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском. М.: Астрель, 2008. 1008 с.

Бердяев Н.А. Царство Духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. 383 с.

Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906 гг.). М.: Канон+, 2002б. 656 с.

Бонецкая Н.К. Апофеоз творчества (Н. Бердяев и Ф. Ницше) // Вопросы философии. 2009. № 4. С. 85–106.

Бонецкая Н.К. Русский Ницше // Вопросы философии. 2013. № 7. С. 133–143.

Синеокая Ю.В. Предисловие. Творчество Ницше в историко-философском контексте // Ницше сегодня / сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. 2-е изд. М.: Изд. дом ЯСК, 2019. С. 7–40.

Синеокая Ю.В. Российская ницшеана // Ницше: pro et contra: антология. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. С. 2–29.

Синеокая Ю.В. Рубеж веков: русская судьба Сверхчеловека Ницше // Фридрих Ницше и философия в России: сб. ст. / сост. Н.В. Мотрошилова, Ю.В. Синеокая. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 58–74.

Синеокая Ю.В., Полякова Е.А. Введение: Ницше сегодня // Фридрих Ницше: наследие и проект / под ред. Ю.В. Синеокой, Е.А. Поляковой. М.: Изд. дом ЯСК, 2017. С. 15–23.

Получена: 20.01.2021. Принята к публикации: 18.02.2021

References

Berdyaev, N.A. (1929). [The tree of life and the tree of knowledge]. *Put'* [The Way]. No. 18, pp. 88–106.

Berdyaev, N.A. (1995). *Tsarstvo Dukha i tsarstvo kesarya* [The kingdom of God and the kingdom of Caesar]. Moscow: Republic Publ., 383 p.

Berdyaev, N.A. (1996). *Istina i otkrovenie. Prolegomeny k kritike Otkroveniya* [Truth and revelation. Prolegomena to the criticism of Revelation]. Saint Petersburg: RHGI Publ., 384 p.

Berdyaev, N.A. (1999). *Novoe religioznoe soznanie i obschestvennost'* [New religious consciousness and society]. Moscow: Canon + Publ., 464 p.

Berdyaev, N.A. (2002). *Smysl istorii. Novoe srednevekov'e*. [The meaning of history. New middle ages]. Moscow: Canon + Publ., 448 p.

Berdyaev, N.A. (2002). *Sub specie aeternitatis. Opyty filosofskie, sotsial'nye i literaturnye (1900–1906 gg.)*. [Sub specie aeternitatis. Philosophical, social and literary experiments (1900–1906)]. Moscow: Canon + Publ., 656 p.

Berdyaev, N.A. (2003). *Opyt paradoksal'noy etiki* [The experience of paradoxical ethics]. Moscow: AST Publ., Kharkov: Folio Publ., 702 p.

Berdyaev, N.A. (2004). *Smysl tvorchestva: Opyt opravdaniya chelovekom* [The meaning of creativity: The experience of human justification]. Moscow: AST Publ., Kharkov: Folio Publ., 678 p.

- Berdyayev, N.A. (2005). *Dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo* [The dialectic of the divine and the human]. Moscow: AST Publ.; Kharkov: Folio Publ., 623 p.
- Berdyayev, N.A. (2007). *Dukh i real'nost': Osnovy bogochelovecheskoy dukhovnosti. Ya i mir ob'ektov: Opyt filosofii odinochestva i obscheniya* [Spirit and reality: fundamentals of divine-human spirituality. The self and the world of objects: an experience of the philosophy of solitude and communication]. Moscow: AST Publ., 382 p.
- Berdyayev, N.A. (2007). *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: Publitsistika 1914–1922* [The fall of the sacred Russian kingdom: Journalism 1914–1922]. Moscow: Astrel' Publ., 1184 p.
- Berdyayev, N.A. (2008). *Sub'ektivizm i individualizm v obschestvennoy filosofii. Kriticheskiy etyud o N.K. Mikhaylovskom* [Subjectivism and individualism in social philosophy. The critical essay on N.K. Mikhailovsky]. Moscow: Astrel' Publ., 1008 p.
- Bonetskaya, N.K. (2009). [Apotheosis of creativity (N. Berdyayev and F. Nietzsche)]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. No. 4, pp. 85–106.
- Bonetskaya, N.K. (2013). [Russian Nietzsche]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. No. 7, pp. 133–143.
- Sineokaya, Y.V. (1999). [The turn of the century: the Russian destiny of Nietzsche's Superman]. *Fridrikh Nitshe i filosofiya v Rossii: sbornik statey* [Friedrich Nietzsche and philosophy in Russia: collection of articles]. Saint Petersburg: RCHI Publ., pp. 58–74.
- Sineokaya, Y.V. (2001). [Russian nietzscheanism]. *Nitshe: pro et contra. Antologiya* [Nietzsche: pro et contra. Anthology]. Saint Petersburg: RCHI Publ., pp. 2–29.
- Sineokaya, Y.V. (2019). [Foreword. Nietzsche's work in the historical and philosophical context]. *Nitshe segodnya* [Nietzsche today]. Moscow: YASK Publ., pp. 7–40.
- Sineokaya, Y.V. and Poliakova, E.A. (2017). [Introduction: Nietzsche today]. *Fridrikh Nitshe: nasledie i proekt* [Friedrich Nietzsche: heritage and project]. Moscow: YASK Publ., pp. 15–23.

Received: 20.01.2021. Accepted: 18.02.2021

Об авторе

Шумской Андрей Викторович
кандидат исторических наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных наук
Уральский государственный университет
физической культуры,
454091, Челябинск, ул. Орджоникидзе, 1;
e-mail: shav.82@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9765-8754>
ResearcherID: AAS-4956-2021

About the author

Andrey V. Shumskoy
Ph.D. in Historiy, Associate Professor
of the Department of Social Sciences and Humanities
Ural State University of Physical Education,
1, Ordzhonikidze st., Chelyabinsk, 454091, Russia;
e-mail: shav.82@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9765-8754>
ResearcherID: AAS-4956-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Шумской А.В. Философия Фридриха Ницше: рецепция и интерпретация Н.А. Бердяева // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 166–178.
DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-166-178

For citation:

Shumskoy A.V. [The philosophy of Friedrich Nietzsche: Nikolai Berdyaev's reception and interpretation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 2, pp. 166–178 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-166-178